

Man kann feststellen, daß die besprochene inhaltreiche Festschrift in jeglicher

Beziehung für den Jubilar ein passendes Geburtstagsgeschenk ist.

TIIT-REIN VIITSO (Tallinn)

<https://doi.org/10.3176/lu.1981.2.12>

А. К. Матвеев, Географические названия Урала, Свердловск 1980. 318 с.

В рецензируемой книге приведены некоторые географические названия Урала, Приуралья и Зауралья. Автором проведена значительная работа; ценно, что А. К. Матвеев при этимологизации некоторых слов привлекает исторические источники (старые карты или архивные записи).

Трудно дать исчерпывающую оценку работе в целом, так как в ней привлечены топонимы, образованные на базе различных языков. Будучи специалистом по мансийскому языку, автор рецензии остановится на анализе мансийских топонимов, получивших, с нашей точки зрения, неточное толкование. Следует сказать, что часть мансийских названий, зафиксированных на картах в точном звучании северного наречия, в основном объяснена правильно, например: *Ворья* (с. 67), *Манья* (с. 166), *Сараннауль* (с. 223), *Ура́й* (с. 261). Что же касается топонимов, претерпевших адаптацию либо зафиксированных в более архаичном варианте или в иных диалектах, кроме северного, то объяснены они А. К. Матвеевым не всегда верно или остались нераскрытыми. Остановимся на анализе некоторых мансийских слов.

Так, топонимы с конечным *l* А. К. Матвеев называет загадочными или домансийскими. В действительности же, в приведенных в работе топонимизациях на *ль* нет ничего таинственного. Известно, что во всех мансийских диалектах, за исключением сыгвинского и среднесосьвинского, переднеязычный *l* является типом европейского *l*, русскими воспринимаемого и часто передаваемого как *ль* (*l*). Отсюда топонимы: *Ва́гиль* (с. 51) от манс. *wáwəl* 'сильный, с силой'; *Тондол* (с. 51) от манс. *tóntəl* 'жидкий, осадочный ил' (здесь *t* рядом с сонорным *n* озвончается); *Понил* (с. 51), возможно, от

манс. *ponil* 'крапива'; *Волья* (с. 67) от манс. *wóli* 'наклонная, косая', *jā* 'река'; *Ивдель* (с. 99) от манс. *iwtäl*, *jíwtäl* 'безлесная'. На территории расселения манси все реки текут по таежным просторам, деревни прячутся в лесах (защищаясь от ветров и поближе к дровам в зимние стужи). Деревня Ивдель находилась, в отличие от других, на более открытой местности. По этому характерному признаку и дано название *Ивтал*, в русской адаптации *Ивдель*. Это слово в древнемансийском имело форму **iutäl*. *Тагүл* (с. 242) происходит от манс. *taɣil* 'ответвление реки', ср. *ja kitiɣ taɣili* 'река разветвляется надвое'. В южномансийском диалекте ответвление называется *towit*. Русские манс. *o*, продвинутой вперед, весьма часто воспринимают и фиксируют как *a*; отсюда *towit* 'ветка' (более архаичный вариант *towta* или *taɣta*) в источниках зафиксировано как *Тавда*. Согласный *ð* возник в соседстве с сонорным *v* — это закономерное для русского языка явление.

Форматив *-um* (диал. *-əm*, *-im*, *-am*) в мансийском языке очень продуктивен. С его помощью от глагольной основы могут быть образованы а) существительные: *ɣitum* 'нерестилище' от *ɣitunɣwe* 'плавать на поверхности воды (об икре во время нереста)'; *sōjum* 'ручей' от *soɣunɣwe* 'журчать, галдеть' (ручьи всегда шумят, особенно после дождя); *ɣartum* 'волок' от *ɣartunɣwe* 'тащить'; *ājum* 'пихтовая, еловая роща на низинной местности' от *uɣunɣwe* 'плыть' (*ājum* на вид — словно пароход плывет по равнине), *pōsum* 'корма' от *pōsunɣwe* 'гнать' (лодку манси гонят, управляя с кормы); *sorum* 'смерть', *tōrum* 'небо', *salum* 'полоса' и т. д. б) прилагательные: *sastum* 'гладкий' от *sastunɣwe* 'стать

гладким'; *ajum* 'выпивший' от *ajun̄kwe* 'пить', *matum* 'старый' от *matun̄kwe* 'со-стариться'.

Топонимы *Пелым* (с. 200) мы возводим к манс. *полым* 'слабо журчащая', ср. *полун̄кве* (*pól̄un̄kwe*) 'журчат'; быстро невятно говорить'. *Пелым* не может быть объяснен через *полям* (*pōlam*) ввиду того, что долгие гласные мансийского языка русскими редко искажаются, они произносятся четко и ясно, как и русские ударные гласные.

В словах, адаптированных русским языком, мансийский носовой *η* часто заменяется *н* или *нь*, или *м*, или *в*. Все это отражено во многих примерах. Поэтому весьма вероятно, что топоним *Висым* (с. 59) происходит от *wisiŋ* (*jā*) 'болотистая травянистая местность с живой водой', т. е. (река) имеющая *wis* (фонетический вариант *wis̄*). *Варган* (с. 51), возможно, от манс. *wor̄gan* 'блестящая, сверкающая'; *Воленгóрское* (с. 65) от манс. *wōl̄ŋ* 'наклонное, косое', *tōr*, *tūr* 'озеро'. Гласные *и*, *е*; *ō*, *ū* в диалектах часто чередуются. *Вóлим* (с. 65) от манс. *vōl̄iŋ* 'наклонный, косой, кривой'; *Чёрдынь* (с. 281) от манс. *šert̄ŋ*, *šort̄ŋ* 'шумящая, гремящая, порожистая (река)'.

В далеком прошлом русские краеведы при поездках в районы расселения манси использовали коми как переводчиков-проводников (об этом написано много). Мы допускаем, что коми-переводчики понятные им мансийские слова переводили на русский язык через кальку родного языка. В результате, вероятно, и появились на территории проживания манси такие топоназвания, как *Сóсьва* (с. 230) или *Сóсва* от манс. *Сóсъя* или *Сóс vit* 'мутная река, мутная вода'; *sōs* 'чага', *jā* 'река'. В прошлом манси чай заваривали чагой, поэтому все реки с мутной коричневой водой называются *sōs*, *sōs wit* 'вода с чагой'. Таким же образом, вероятно, возникло и *Лóзва* (с. 158) или *Лозва* от манс. *Лос̄ я* или *Лус̄ я*, или *Лос̄ vit* 'болотистая река, болотистая вода'. Из манс. *lūs jā*, *lūs wit* через коми перевод могло получиться *Лоз ва*. Известно, что в коми языке звуки *ј* и *в* чередуются, глухие согласные рядом со звонкими озвончаются. *Кóлва* (с. 136) от манс. *kol* 'дом', *jā* 'река', т. е. река, где имеется дом, *ва* — коми адаптация.

Ёмки (с. 89) от манс. *jōmki* 'шагание', т. е. по ней можно ходить. *Курьй* (с. 153) от манс. *kur̄yi* 'гремит, гремящий'.

Следует отметить, что А. К. Матвеев *нёр* (*nōr*) неверно переводит как 'камень': в мансийском языке во всех диалектах *nōr* 'большая гора'; непокрытую растительностью гору называют *mūni*; выделяющуюся же на относительно ровной местности гору именуют *tump* букв. 'остров'. Камень же во всех диалектах *āxwtas*, более архаичное *kāw*, *kew*. Хрусталь манси называют *nōr āxwtas* букв. 'камень горы', точильный камень — *lōw āxwtas* и т. д. *Мунингтумп* (с. 177) от манс. *mūniŋ* 'яйцеобразно голый, гладкий', *tump* 'остров', т. е. отдельная островная горная возвышенность. *Нёрóйка* (с. 183) 'мужчина горы' от манс. *nōr* 'гора', *ōjka* 'мужчина'. Это главный покровитель сыгвинских манси. Гора считается хрустальным домом ее хозяина, воспетого в мансийских эпических песнях. Он — один из братьев предков-духов-покровителей манси и хозяин оленей в Уральских горах.

Няксимволь (с. 188) происходит от манс. *nāx̄s̄am* 'жабры (очень быстро портятся, слабые)', *wōl* 'плес'. Берега плеса около этой деревни топкие. Слабому человеку по ним пройти в бечевую трудно. Одна женщина там прославилась, поэтому, якобы, этот плес так и называется. Между прочим манси всех неловких, ленивых женщин и девушек именуют *nāx̄s̄am*. *Ошеньер* (с. 197) от манс. *ošša* 'узкая', *nōr* 'гора'. *Пышма́* (с. 210), возможно, от манс. *pos* (более древний вариант *poš*, *piš*) 'мокрый, влажный', *mā* 'место, земля'. *Тóшемка* (с. 248) от древнеманс. **tōšem* 'сухой'; форматив *-ка* — русская адаптация. *Толтусум* — из мансийского языка. См. об этом Р. H u n f a l v i, A vogul föld és nér, Budapest 1864; В. M u n k á c s i, Vogul nép-költési gyűjtemény IV, Budapest 1897. *Урál* (с. 261) от манс. *ur* (фонетически *uī*) 'хребет, горная гряда, возвышенная местность', *al* или *alā* 'верхняя часть, поверхность предмета, местности; кромки сосуда; укрытие помещения, жилья' (*puŋk alā* 'макушка головы', *kūpna alā* 'верх копны', *lāyl alā* 'верх стопы', *kāt qīlā* 'верхняя сторона кисти'). В совре-

менном мансийском языке структура слова CVCV или VCV упрощается в CVC, VC, т. е. конечный гласный основы утрачи-

вается. *Шайтán* (с. 290) — калькированный перевод манс. *jaipəŋ* 'священный', т. е. места жертвоприношений.

Е. И. РОМБАНДЕЕВА (Москва)

П. М. Зайков, Бабинский диалект саамского языка (фонологическое исследование). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту 1980.

15 декабря 1980 года на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук в Тартуском государственном университете состоялась защита П. М. Зайковым кандидатской диссертации «Бабинский диалект саамского языка (фонологическое исследование)». Официальными оппонентами выступили профессор П. Аристэ (Тарту) и доцент М. И. Муллонен (Петрозаводск).

Исследование П. М. Зайкова представляет интерес для всех финно-угроведов, так как саамский язык менее изучен, чем, например, его близкородственные прибалтийско-финские языки. Этот язык содержит незаменимые данные для решения различных проблем истории и современного строя уральских языков. Саамские диалекты очень разнообразны; так, саамы Швеции с большим трудом понимают речь саамов Кольского полуострова. Скандинавскими и финскими лаппонистами опубликованы некоторые монографии о западных диалектах саамского языка. Изданы также словари. Кольско-саамские диалекты до сих пор исследованы слабо. После второй мировой войны в Петрозаводске образовался заметный центр по изучению этих диалектов во главе с доктором филологических наук Г. М. Кертом. Работа П. М. Зайкова написана также под его руководством. Она посвящена описанию бабинского диалекта. Звуковой строй, структура и функциональная роль чередования фонем в этом диалекте, а также их дистрибуция до сих пор рассмотрению не подвергались. Изданы только отдельные работы по морфологии, которые нуждаются в уточнении и дополнении. Большой интерес представляет выявление места и особенностей ба-

бинского диалекта в системе саамских диалектов. Этот диалект в настоящее время переживает быстрый процесс сокращения сферы функционирования, поэтому П. М. Зайков поступил правильно и своевременно, взяв на себя задачу выявить инвентарь фонем и их аллофонов, дать фонетическую интерпретацию сложных фонем, определить фонологическую релевантность количественных и качественных фонем, провести анализ структуры слова и слога, установить грамматическую роль чередований и т. д. Автор использует в основном описательный и сравнительно-сопоставительный метод, которым отлично владеет. Он неоднократно бывал в экспедициях у саамов. Кроме собранного им материала, использованы все необходимые печатные источники.

Исследование П. М. Зайкова является первым опытом полного анализа бабинского диалекта. В кольско-саамских диалектах развита внутренняя флексия, которая чужда большинству финно-угорских языков. П. М. Зайков сделал ряд новых теоретических выводов. Особенно важно, что в диссертации ясно показано, как морфонологические чередования пронизывают всю грамматическую структуру диалекта.

Основная часть работы П. М. Зайкова — обстоятельный анализ фонологической структуры бабинского диалекта. Показано, как в сильных позициях происходит максимальное различие фонем, отсутствующее в слабых позициях или в позициях нейтрализации. Приведены соответствующие примеры.

Фонемный и аллофонический состав бабинского диалекта характеризуется обилием единиц. Фонемный инвентарь его состоит из 82 согласных и гласных фонем.